

"Фонг", — прошептала Гермиона, едва заметно улыбаясь. — "Хорошо спал, Гарри?" Гарри, зажав в зубах дужку очков, потер покрасневшие глаза. — "Я и забыл, как громко храпит Рон. Около часа ночи я сдался и заставил его замолчать. Вдобавок ко всему, мне всю ночь хотелось убить Скабберса". Тихонько хихикая, Гермиона встала с кресла в общей комнате и взяла в руки сумку. Взявшись за руку мужа, она прошептала: — "Мой бедный муж". Гарри, с намеком на ухмылку, спросил: — "Ты можешь поцеловать его и сделать все лучше?" Она рассмеялась, закатив глаза: — "Пойдем, я голодна". Спуск в Большой зал стал для Гарри маленьким кусочком рая. Он неоднократно мечтал об этом в течение всего года, проведенного без Гермионы. Его широкая ухмылка была заразительна, так что к тому времени, как они сели за гриффиндорский стол, оба Поттера ухмылялись, словно дураки. Эмоциональная карусель, взмывающая от вершин радости до глубин отчаяния и обратно, начинала утомлять путешественников во времени. Гермиона наложила себе в ложку каши и, потянувшись за сахаром, спросила тихим голосом: — "Как твоя голова?" Гарри кивнул, с полным ртом яичницы. Накануне вечером, выйдя из кабинета Минервы, они проверили щиты Ожкклюменции друг друга. После некоторого привыкания к своим "новым" разумам, и Гарри, и Гермиона были уверены, что смогут не впускать в свои мысли директора и мастера зелий. В конце концов, Гарри ответил: — "Всё в порядке. Вчера вечером немного болела голова, но сегодня утром ничего не было". Он не смотрел ей в глаза, а его лицо слегка побледнело. Она смотрела на него, прекрасно понимая, что он что-то скрывает. В то же время она знала, что Гарри расскажет ей, когда будет готов. Когда они были подростками — то есть в первый раз — ей пришлось бы приставать к нему с расспросами, пока он не рассказал бы ей то, что у нее на уме. Его первым инстинктом было скрывать любые переживания и отрицать любую причину для расстройств. Это было следствием того, что он вырос среди Дурслей. Она ненавидела их тогда и ненавидит сейчас. Вздыхнув, она вспомнила, как они совершили прорыв в Кардиффе во время "подготовительного" этапа. Это было одно из самых болезненных и прекрасных воспоминаний. Это был день, когда Гарри полностью освободился от своих секретов. В этот день он принял решение полностью доверить ей себя. Три дня спустя они занялись любовью. Эти два решения были неразрывно связаны для них обоих. Она догадалась, что кошмары Гарри вернулись. Ночные кошмары были либо проделки Волдеморта, либо обычные воспоминания об ужасах, свидетелями которых они были. А может, это были ужасы, в которых они участвовали. Это были самые неприятные кошмары. Перед тем как переехать в Корнуолл и отказаться от сопротивления "императору Волдеморту", они с Гарри раскупорили бутылку джина и попытались сосчитать, сколько Пожирателей смерти они убили. Они сбились со счета на двухстах тридцати двух для него и двухстах девятнадцати для нее. Они даже не пытались подсчитать, сколько убили ее смертоносные чары. Подобные масштабы резни меняют человека, независимо от того, насколько оправданы его действия. Сочетание этих удивительных фактов и сна в одной комнате общежития с предателем своих родителей заставило Гермиону задуматься о том, как Гарри вообще удастся высыпаться. Их обсуждение прекратилось, когда они увидели, как в зал вошла Полумна Лавгуд. Полумна выглядела так же, как и на пятом курсе: бледные светлые волосы, огромные голубые глаза и пастообразная белая кожа. Но вместо обычного озабоченного выражения на лице, этим утром на лице Полумны было смешанное выражение страха и решимости. И смотрела она прямо на Гарри и Гермиону. — О, о, — пробормотал Гарри. Полумна подошла к почти пустому Львиному столу и остановилась прямо напротив Гермионы. Ее взгляд остановился на обоих Поттерах: — "Я не понимаю, почему, но сегодня все изменилось, и это благодаря вам двоим". Второй раз в жизни Гермиона ошеломленно молчала. Гарри взял себя в руки: — "Присоединишься к нам за завтраком, Луна? Мы можем поболтать после еды". Помедлив, Полумна села на скамейку напротив путешественников во времени. Гарри протянул ей апельсиновый мармелад, а Гермиона налила ей чашку кофе. Полумна моргнула, глядя на непрошенные гостинцы. — Как вы узнали, что это мои любимые лакомства? — спросила она. Гермиона с сожалением в голосе ответила: — "Потому что мы твои друзья". Ошеломленная, Полумна просто смотрела на нее. В

конце концов на ее лице появилась медленная улыбка. Она повторила: — "Друзья", — намазывая мармелад на тост. К тому времени, как она отпила кофе, Луна Лавгуд улыбалась самой широкой и искренней улыбкой, которую она носила с тех пор, как умерла ее мать. Ужин проходил медленно. Полумна задумчиво перебирала тосты. Она не возвращалась к своему предыдущему утверждению, как и Гарри с Гермионой. Гарри и, в меньшей степени, Гермиона все еще были ошеломлены присутствием в зале всех, кто умер в их предыдущем воплощении. Полумна была ошеломлена по совершенно другим причинам. Она недоумевала, откуда эти люди знают о ней, а главное — ликовала от того, что у нее теперь есть друзья. В зал вошла Минерва. Как и прежде, она не обратила внимания на Поттеров. Они втроем обсудили этот вопрос и решили, что не хотят привлекать лишнего внимания со стороны тех, кто заметил бы любое внешнее проявление привязанности. Гермиона потянула Гарри за рукав, показывая, что она готова. Гарри привлек внимание Полумны, и трое студентов, взяв ранцы, направились через парадные двери к озеру. Как только они устроились на двух скамейках у берега озера, а Гермиона наложила на них защиту, Гарри начал. — Луна, мы хотели бы рассказать тебе кое-что, но есть проблема. Некоторые люди в замке практикуют Легилименцию. Ты знаешь, что это такое? — спросил Гарри. Когда она кивнула, он продолжил. — Хорошо. Проблема в том, что эти люди, практикующие легилименцию, не позволят тебе сохранить наши секреты, они смогут вырвать их из твоего разума против твоей воли. Обычная вездесущая бесплотная аура Луны исчезла, сменившись жестким взглядом. — Кто? — спросила Полумна. Гермиона вздохнула: — "Это часть секрета". Второкурсница Рейвенкло задумчиво кивнула. — Похоже, мы зашли в тупик. Скрестив ноги, Гермиона немного успокоилась, прежде чем ответить: — "Мы можем проверить ваш разум на его естественную защиту, используя Легилименцию, чтобы определить, насколько хорошо он защищен. Как только мы все поймем, в каком положении ты находишься, мы с Гарри сможем помочь тебе защитить свои мысли". Гермиона подавила вздох, поднимавшийся в её глотке. У них с Гарри ушли годы кропотливых усилий, когда они были взрослыми, чтобы стать искусными окклюменторами. — Какая надежда, что двенадцатилетняя Полумна Лавгуд овладеет этим в ближайшее десятилетие? — скептически произнес Гарри, поглядывая на юную волшебницу. Полумна, пожав плечами, лишь кивнула: — Давай. Гарри выхватил палочку и, сжав ее в руке, произнес: — Легилименс. Гермиона, как всегда, была недовольна тем, что Гарри берет на себя инициативу в подобных экспериментах. Она прекрасно знала, что его способности к легилименции были значительно сильнее, чем у нее. Годы отражения темных сил Волдеморта сделали Гарри искусным окклюментором, а значит, путь к легилименции был для него открыт. Необходимость, как известно, — мать изобретения. Обычно женщины обучались этому искусству у женщин, мужчины — у мужчин, но в данном случае Гарри был вынужден действовать сам. Даже Безумный Глаз, известный своим буйным нравом, не мог вывести Гарри из себя. Гермиона наблюдала за тем, как Гарри и Полумна вступают в невидимую дуэль, где легилименция и окклюменция сталкиваются в молчаливом противостоянии. Прошла долгая минута. Гарри, нахмурившись, пробормотал: — Конечная. Он повернулся к Гермионе и отрицательно покачал головой. — Хорошо. Скоро мы сможем начать заниматься, — сказал он, сдерживая разочарование. Видя, что Полумна опустила на землю, Гермиона взяла ее за руку. — Ничего подобного, — с улыбкой сказала она. — Это очень сложная дисциплина, и я не слышала ни об одном человеке, у которого природная защита была бы достаточно сильной, чтобы не допустить Гарри. Гарри закатил глаза и фыркнул, но Гермиона лишь игриво улыбнулась.